

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕРЕМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 > — >
 На полгода 3 > 50 >
 На три мѣсяца 2 > — >

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Открытіе Америки. * *. — II. Переселенцы. Гл. VIII, IX. Л. Ловягина. — III. Весна. (Стихотвореніе). Ризлера. — IV. Въ мірѣ искусствъ. Лаврентьевой. — V. На свеклосахарномъ заводѣ. Н. Кувшинниковъ.

ОТКРЫТІЕ АМЕРИКИ.

Возвращеніе въ Европу.

ИСПАНЦЫ дивились множеству золотыхъ вещей находившихся у туземцевъ, особенно золотой коронѣ карика, которую онъ съ другими золотыми украшеніями подарилъ Колумбу. На вопросъ Колумба, откуда у нихъ столько этого металла, карикъ отвѣчалъ, что оно находится въ изобиліи на островѣ, называемомъ Сibaо. Какъ бы ни желалъ Колумбъ побывать на этомъ островѣ, но на-

шелъ, что для значительныхъ предпріятій у него слишкомъ мало людей и средствъ, поэтому счелъ благоразумнѣе съѣздить прежде въ Европу, сообщить Изабеллѣ и Фердинанду о счастливомъ исходѣ его путешествія, попросить новыхъ кораблей, и взять съ собою большое число моряковъ и искателей приключеній.

Такъ какъ у Колумба оставался только одинъ корабль, стало быть на немъ не могли и помѣститься всѣ его спутники, тогда онъ рѣшился желающихъ остаться на Эспаньолѣ оставить подѣ начальствомъ его товарища Арандо, а съ остальными отправиться въ Европу. Никто такъ не сожалѣлъ объ отъѣздѣ Колумба, какъ добродушный кацикъ—онъ плакалъ прощаясь съ нимъ, надарилъ ему множество золотыхъ пластинокъ, коронъ и золотого песку. Колумбъ просилъ испанцевъ жить тихо, миролюбиво съ туземцами и общалъ другу своему кадику возвратиться въ непродолжительномъ времени. Потомъ сѣлъ на корабль, при многочисленномъ стеченіи провожавшихъ его индѣйцевъ, и отплылъ въ Европу.

Для оставшихся на островѣ испанцевъ была выстроена отдѣльная крѣпость, гдѣ они и помѣщались—въ нѣсколькихъ домахъ. Спустя немного времени послѣ того, какъ Гаити скрылся изъ взоровъ путешественниковъ, они встрѣтили исчезнувшій корабль Алонцо. Желая прежде всѣхъ возвѣстить въ Европѣ объ открытіи Новаго Свѣта, онъ украдкой отдѣлился отъ Колумба, но сбился съ пути среди неизвѣстнаго воднаго пространства и плавалъ на удачу. Если бы онъ не встрѣтился съ Колумбомъ, то погибнулъ бы въ океанѣ. Колумбъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго упрека Алонцу и присоединилъ его къ себѣ.

Въ этотъ переѣздъ имъ пришлось вытерпѣть страшную бурю. Буря продолжалась три дня и три ночи, — во время которыхъ корабль Пинсона опять исчезнулъ. Одна надежда была на Провидѣніе, — заливаясь слезами всѣ путешественники дали обѣтъ идти босикомъ въ часовню Божіей матери, самой ближайшей отъ того мѣста, гдѣ они выйдутъ на бе-

регъ, потомъ кинули жребій, чтобы тотъ, чье вынется написанное на бумажкѣ имя, сходилъ пѣшкомъ на поклоненіе самымъ уважаемымъ святымъ мѣстамъ Испаніи. Вынулось имя Колумба. Съ этого времени моряки, увѣренные въ милосердіи Божию, съ полной преданностью стали ожидать рѣшенія своей участи.

Колумба больше всего тревожила мысль, чтобы съ ихъ гибелью Новый Свѣтъ снова не скрылся отъ Европы, — и желая спастись отъ этого, на всякій случай залилъ густымъ слоемъ воска журналъ своего путешествія и открытій, сдѣлалъ надъ сверткомъ надпись, когда корабль былъ на краю гибели, закупорилъ рукопись въ боченокъ и бросилъ въ море, надѣясь, что волны быть можетъ прибьютъ его къ берегамъ Европы, хотя бы это случилось и черезъ сто лѣтъ по его смерти.

По счастью эта предосторожность оказалась бесполезной — буря укротилась, когда корабль находился вблизи Азорскихъ острововъ, принадлежавшихъ Португаліи. Тутъ они вышли на берегъ. Отдохнувши, Колумбъ и всѣ матросы отправились босикомъ въ находившуюся по близости небольшую часовню Богоматери, запѣвши хоромъ трогательный гимнъ благодарности за свое спасеніе, называя въ немъ Богородицу „звѣздою моря“.

Починивши въ кораблѣ поврежденія, произведенныя бурей, Колумбъ снова пустился въ море и вступилъ въ гавань Палоса, откуда семь лѣтъ тому назадъ отправился открывать „Новый Свѣтъ“.

Завидѣвши еще издали приближающійся корабль Колумба, жители бѣжали на берегъ, не вѣря глазамъ своимъ, что это тѣ самые люди, которыхъ они оплакивали какъ бы умершихъ. На слѣдующій день своего пріѣзда въ Палось — появилась и каравелла Пинсона. Онъ снова задумалъ было присвоить себѣ открытіе Новаго Свѣта и скрылся во время бури. Когда же увидалъ, что Колумбъ благополучно достигъ Испаніи, то ночью вышелъ на берегъ, тайкомъ прокрался

въ свой домъ, съ зависти и досады заболѣлъ и умеръ. Никто не пожалѣлъ о немъ.

Вся Испанія пришла въ восхищеніе, узнавши о возвращеніи Колумба и о дивныхъ результатахъ его плаванія. Фердинандъ и Изабелла тотчасъ призвали его въ Барселону, одинъ изъ главныхъ городовъ Испаніи, гдѣ они находились въ то время. Колумбъ немедленно отправился въ путь, отъ Палоса до Барселоны надобно было проѣхать большую часть Испаніи. Этотъ переѣздъ Колумба походилъ на торжественное шествіе.

Колумбу предшествовали индѣйцы, по ихъ народному обычаю, — обнаженные, испещренные странными узорами. Головы ихъ были увѣнчаны тяжелыми коронами изъ чистаго золота, на рукахъ сіяли золотые браслеты, а въ рукахъ оружія и музыкальные инструменты, употребляемые дикарями. Впереди всего шествія несли множество великолѣпныхъ попугаевъ и другихъ птицъ острововъ Лукайскихъ и Гаити; разнообразныя растенія тѣхъ странъ, изящнѣйшіе плоды, вазы золотого песку и деревянные миски съ золотыми инкрустаціями.

Для встрѣчи неустрашимаго мореплавателя, доставившаго Испаніи цѣлую часть свѣта, еще никому невѣдомую до него, сдѣлано было блестящее приготовленіе. На домахъ улицъ, по которымъ онъ долженъ былъ ѣхать во дворецъ развѣвались разноцвѣтныя знамена, дорогія матеріи и цвѣты. Съ разсвѣтомъ дня, народъ въ лучшихъ одеждахъ своихъ уже толпился повсюду, отрядъ кавалеристовъ былъ посланъ ему на встрѣчу, за городъ, чтобы вмѣстѣ со свитою сопровождать его.

Когда Колумбъ появился передъ народомъ, верхомъ на великолѣпной андалузской лошади, присланной ему королемъ, восторженные крики раздались въ воздухѣ.

Фердинандъ и Изабелла ожидали Колумба въ великолѣпно убранной залѣ своего дворца, сидя на тронѣ, окруженные блестящимъ дворомъ. Какъ только Колумбъ вошелъ въ залу,

король и королева привстали на тронѣ, и когда онѣ хотѣли преклонить передъ ними колѣно, по обычаю того времени, они милостиво приподняли его и подали ему руку, которую онѣ поцѣловали съ почтеніемъ, потомъ велѣли ему сѣсть на ступеняхъ трона, просили рассказать все его путешествіе и слушали его рассказъ съ величайшимъ вниманіемъ. Когда Колумбъ окончилъ свой дивный рассказъ, король и королева встали съ трона, и преклоняясь, съ слезами радости, благодарили Провидѣніе, ниспославшее Испаніи страны, до сихъ поръ бывшія неизвѣстными ни одному народу Европы. Всѣ присутствующіе воспѣли гимнъ благодарности Творцу.

Колумба съ величайшими почестями проводили, въ приготовленный ему роскошный дворецъ, первые сановники государства, на слѣдующій день король и королева прислали ему драгоценные подарки, обѣщали новые корабли и моряковъ, чтобы сопровождать его въ Эспаньолу для окончанія его славнаго предпріятія.

Колумбъ въ цѣпяхъ.

Въ то время какъ въ Испаніи Колумба осыпали восторгомъ и торжествами, Эспаньола была театромъ неожиданныхъ несчастій.

Едва только корабль Колумба скрылся изъ глазъ оставленныхъ имъ на островѣ испанцевъ, людей грубыхъ и необразованныхъ, какъ они принялись притѣснять и обижать робкихъ дикарей, и побоями отнимали у нихъ золотыя пластинки и вещицы изъ золота. Добрый, миролюбивый Гуаканагари приказывалъ имъ не раздражать иностранцевъ и предоставлялъ имъ все, что они пожелаютъ; но ни что не только что не помогало, а еще усиливало ихъ жадность и жестокости. Бѣдные дикари не могли понять за что эти бѣлые люди ихъ преслѣдуютъ. Притѣсняя туземцевъ, испанцы ссорились и между собою, не слушая увѣщаній Аранда, разсыпались по

разнымъ мѣстамъ острова, отыскивая золото и драгоценные камни въ горахъ и источникахъ, наконецъ дошли до того, что индѣйцы перестали бояться ихъ; такъ какъ не все каики острова Гаити были кротки и добродушны, какъ Гуаканегари, напротивъ того многіе дики и жестоки, то они и напали на испанцевъ съ палицами и стрѣлами, и, несмотря на ихъ отчаянную борьбу, всехъ перебили, а крѣпость разорили и срыли до основанія.

Кровь европейцевъ впервые оросила землю Нового Свѣта. Когда все эти ужасы совершались въ Новомъ Свѣтѣ, въ Испаніи готовилось множество кораблей для отплытія на новое полушаріе земли. На корабляхъ этихъ отправлялись матросы, солдаты, земледѣльцы, плотники, каменщики, различные мастеровые и искатели приключеній. Кроме того, Колумбъ нагружалъ корабли земледѣльческими орудіями и строительными инструментами. На нѣкоторыхъ корабляхъ везли куръ, барановъ, коровъ, быковъ, лошадей, собакъ, такъ какъ этихъ животныхъ не было ни на одномъ изъ острововъ Нового Свѣта.

Жители городовъ и селеній выбѣгали ему на встрѣчу, чтобы только взглянуть на великаго человѣка, и съ удивленіемъ смотрѣли на сопровождавшихъ его шестерыхъ краснокожихъ индѣйцевъ, разрисованныхъ различными узорами, обвѣшанныхъ украшениями изъ золота.

Несмотря на торжества и выраженія высокаго уваженія всего народа Испаніи, Колумбъ оставался неизмѣнно простъ и скромнъ по прежнему, даже и тогда, когда, достигнувъ Барселоны, былъ принятъ королемъ и королевой съ величайшимъ почетомъ.

Такимъ образомъ Колумбъ вторично отплылъ отъ береговъ Андалузій, сопровождаемый торжественными криками народа, повторяемыми береговымъ эхомъ.

Въ продолженіи пути онъ открылъ еще нѣсколько острововъ, между ними были и такіе, гдѣ дикари встрѣтили ихъ не привѣтомъ, а камнями и стрѣлами: это было племя ка-

раибовъ, которые ѣли людей. Островъ караибовъ испанцы называли Гваделупою.

Приближаясь къ Эспаньолѣ, Колумбъ велѣлъ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ и чрезвычайно удивился, что на этотъ сигналъ никто не показывался на берегу, даже и замѣтившіе ихъ индѣйцы поспытались въ лѣса.

Съ глубокимъ огорченіемъ Колумбъ узналъ обо всемъ случившемся безъ него на Эспаньолѣ; но дружба его съ Гуаанагари осталась неизмѣнною.

Спустя нѣсколько дней, испанцы принялись строить и точно волшебствомъ на мѣстѣ вѣковыхъ лѣсовъ возникли европейскіе города, а поля покрылись посѣвами и сахарнымъ тростникомъ, привезеннымъ изъ Сициліи.

Вмѣстѣ съ хозяйственнымъ устройствомъ, Колумбъ старался намѣнивать сколько можно больше золота. Такъ какъ многіе изъ поѣхавшихъ съ Колумбомъ имѣли одну цѣль — нажитья поскорѣе, то жизнь трудолюбивая и строгое запрещеніе обременять работами и тиранить индѣйцевъ имъ не поправилась, они стали роптать и проситься въ Европу. Колумбъ отправилъ съ радостію этихъ опасныхъ людей. Между ними находились офицеры, которыхъ онъ осыпалъ благодѣяніями. Пріѣхавши въ Испанію, они явились къ королю и королевѣ и изъ зависти оклеветали Колумба въ разныхъ преступленіяхъ. Фердинандъ повѣрилъ и отправилъ за Колумбомъ нѣсколько человѣкъ воиновъ, съ тѣмъ, чтобы они привезли его къ нему.

Посланные обманомъ заманили Колумба къ себѣ на корабль, надѣли на него цѣпи и отправились въ Европу. Колумбъ повиновался безропотно; онъ былъ такъ силенъ сознаніемъ своего великаго дѣла и своей невинности, что не смотря на обременявшія его цѣпи оставался спокоенъ, а окружавшіе его невольны относились къ нему съ глубочайшимъ почтеніемъ.

Вся Испанія была поражена удивленіемъ и негодованіемъ, когда распространился слухъ, что Колумба привезли въ цѣ-

пяхъ, какъ преступника. Король и королева велѣли немедленно снять съ Колумба цѣпи, но онъ не допустилъ до этого и сказалъ: я тогда сниму съ себя цѣпи, когда совершенно оправдаюсь и королева сама прикажетъ мнѣ ихъ снять.

Колумбъ былъ оправданъ совершенно, но несправедливость оставила глубокіе слѣды въ душѣ его, — цѣпи, которые были на немъ, онъ велѣлъ, чтобы онѣ висѣли всегда въ ногахъ его кровати, а когда онъ умретъ, то положить вмѣстѣ съ нимъ въ гробъ, — что и было исполнено сыномъ его Діего, которому онъ оставилъ свой титулъ адмирала и большое состояніе.

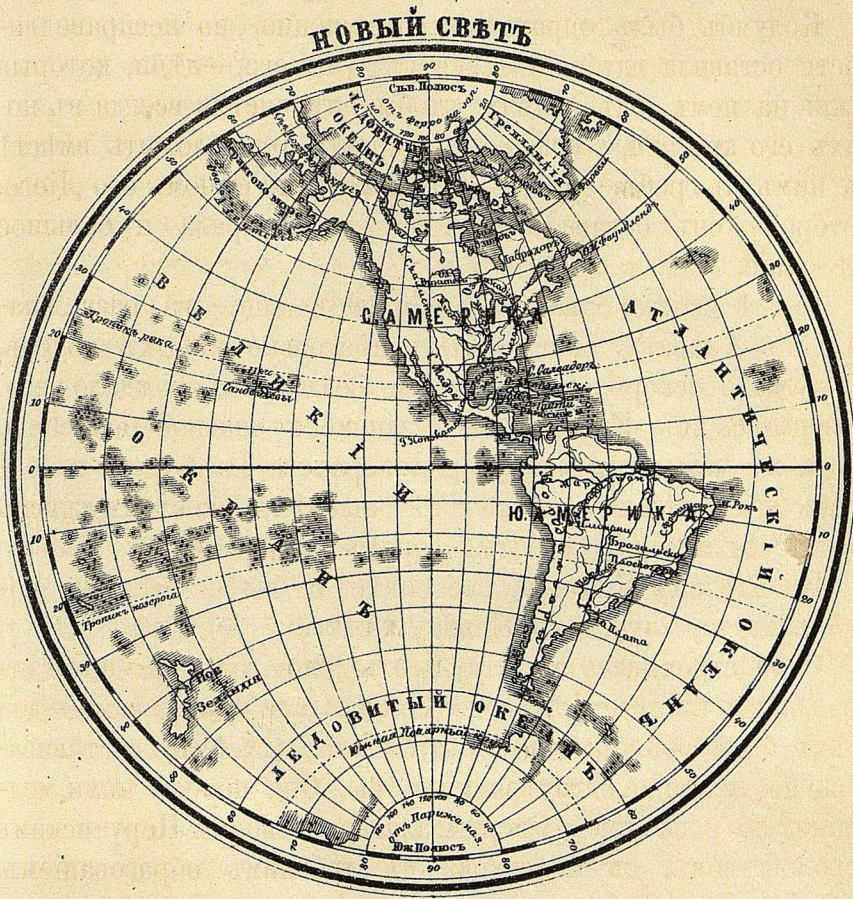
Послѣ своего оправданія, Колумбъ еще два раза плавалъ въ Америку, еще открылъ нѣсколько новыхъ земель, но чувство оскорбленія и грусти вездѣ сопровождало его. Возвратясь въ Испанію, онъ занемогъ опасной болѣзною, когда же услышалъ, что умерла королева Изабелла, то болѣзнь его усилилась и великій человекъ окончилъ жизнь шестидесяти лѣтъ, разбитый горемъ и трудами.

По слѣдамъ Колумба, все болѣе и болѣе смѣлыхъ людей стало пускаться къ Новому Свѣту.

Одни стремились на югъ, другіе на западъ, не многіе отправлялись къ сѣверу; нѣкоторые блуждали тамъ и сямъ — для всѣхъ было обширное поле; эта земля, казалось, растягивалась по желанію овладѣваемыхъ ею. Она передъ ними медленно, но роскошно развертывалась, съ своимъ Перуанскимъ королевствомъ, съ Мексикою, съ древнимъ образованіемъ, исторія котораго осталась намъ неизвѣстною, съ своими золотыми и серебряными рудниками, съ своимъ необыкновеннымъ плодородіемъ.

Эта жажда отдаленныхъ путешествій охватывала не одну только Испанію, но и другіе народы совершали важныя открытія. Такъ португалецъ Васко де Гама первый проѣхалъ мысъ Доброй Надежды, другой португальскій морякъ открылъ Бразилію, составляющую часть открытій Колумба.

Америкъ Веспучцій — простой купецъ изъ Флоренціи,

ловкій и образованный, торговавшій съ ново-открытыми странами, самъ вздумалъ пуститься въ опасный путь.

Въ одно изъ своихъ плаваній Колумбъ присталъ къ берегу, жители котораго занимались главнымъ образомъ ловлею жемчужныхъ раковинъ. По этому занятію жителей, Колумбъ далъ заливу названіе „Залива Жемчужнаго“, а туземцы свою страну называли Парія. Парія составляла часть огромной территоріи, на которой высились громадныя горы и протекали широкія рѣки, впадающія съ необыкновенной быстротою въ море. Колумбъ понялъ, что эта обширная земля должна быть большимъ континентомъ и начертилъ географическую карту пути, ведущему къ этимъ новымъ берегамъ. Руководствуясь этой картой, хранившейся въ Испаніи, Америкъ Веспучій вмѣстѣ съ товарищемъ Овiedo отправились отыскивать землю, на которую Колумбъ бросилъ первый взглядъ.

Достигнувши Жемчужнаго залива, Америкъ Веспучій собралъ всевозможныя свѣдѣнія объ этой странѣ и сдѣлалъ ей подробное описаніе; книгу эту съ жадностію читали всѣ интересовавшіеся новыми открытіями, и во всей Европѣ вошло въ привычку, говоря о Новомъ Свѣтѣ, открытомъ Колумбомъ, описанномъ Америкомъ Веспучіемъ, называть эту обширную богатую часть земнаго шара Америкой. Такимъ образомъ, названіе Америки и осталось за Новымъ Свѣтомъ.

Вскорѣ затѣмъ Америка явилась не пустыннымъ островомъ Индѣйскаго океана, но цѣлой частью свѣта. Одинъ изъ товарищей Колумба—Нунецъ де Бальбоа, слышавшій дивныя рассказы о роскошной странѣ Парія, собралъ нѣсколько смѣлыхъ товарищей, и въ сопровожденіи толпы индѣйцевъ, несшихъ съѣстные запасы, отправился, черезъ высочайшія горы, покрытыя вѣковыми, почти непроходимыми лѣсами, отыскивать эту дивную страну. Послѣ двадцатитрехъ дней мучительнаго пути, одинъ изъ индѣйцевъ, взбираясь на вершину горы, сказалъ, что скоро откроется море. Оживленный надеждою, Бальбоа оставляетъ на горѣ свой отрядъ, взби-

рается одинъ на высоту Панамскихъ горъ и останавливается въ восторгѣ и изумленіи передъ внезапно открывавшимся исполинскимъ амфитеатромъ, простирающемся на востокъ— съ неизмѣримыми равнинами, рѣками, лѣсами и представшемъ въ мрачномъ величіи Тихимъ океаномъ, омывающимъ западную часть Америки.

Горы, которыя перешель Бальбоа, образуютъ полосу земли, называемую Панамскимъ перешейкомъ, раздѣляющимъ Америку на двѣ части, на Америку сѣверную и на Америку южную.

* *

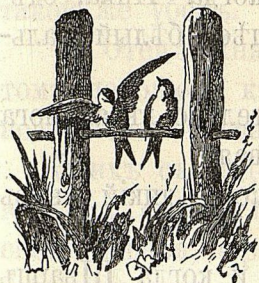

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

(Изъ Нирица).

VIII.

Альбертъ отыскался.

А СЛѢДУЮЩІЙ день, еще до разсвѣта всѣ были на ногахъ, даже Эмиль и Мальхенъ. Они должны были указать индѣйцу по какому направленію побѣжалъ Альбертъ. Когда всѣ были готовы пуститься въ путь, мать Альберта со слезами просила Инку отыскать ея сына.

Инка не понялъ словъ ея, но понялъ ея чувства. Онъ преклонилъ передъ ней голову и кротко сказалъ:

— Инка найдетъ маленькаго бѣлаго.

Всѣ ушли въ лѣсъ. Дома остался для защиты женщинъ и дѣтей одинъ слуга Шварца. Какъ только дѣти Эриха навели на слѣдъ брата, то и ушли домой. Инка шелъ по слѣдамъ Альберта съ увѣренностію, удивившею переселенцевъ. Опытный глазъ индѣйца замѣчалъ слѣдъ мальчика по помятой травѣ, по обломаннымъ сучьямъ.

На вопросы товарищей Инка улыбаясь отвѣчалъ:

— О! бѣлый мальчикъ отыщется! и, указывая на примѣты,

говорилъ:—здѣсь Альбертъ прыгалъ за обезьянами, тутъ пробовалъ влѣзть на дерево.

Въ глубинѣ лѣса слѣды сдѣлались сбивчивѣе. Инка определилъ товарищей,—слѣды вели то впередъ, то назадъ, спустя нѣсколько минутъ Инка возвратился къ ожидавшимъ его и весело сказалъ:

— Маленькій бѣлый былъ здѣсь въ затрудненіи,—онъ потерялъ изъ вида обезьяну и думалъ объ обратномъ пути.

Инка повелъ своихъ провожатыхъ дальше. Вдругъ онъ остановился и радостно воскликнулъ.

— Хау! и указалъ рукой кусокъ дерна, на которомъ виднѣлся глубокой слѣдъ большой ноги.

— Что это значитъ? спросилъ Шварцъ.

— Здѣсь ступалъ краснокожій, отвѣчалъ Инка, и по измятой травѣ и кустарникамъ указалъ имъ, что Альбертъ сидѣлъ тутъ, а индѣецъ должно быть стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ. Безпокойство Эриха увеличилось, когда Инка, сдѣлавши нѣсколько шаговъ, воскликнулъ: здѣсь бѣлый мальчикъ захромалъ!

Эрихъ и другіе замѣтили, что дѣйствительно лѣвая нога мальчика стала ступать тверже, чѣмъ правая.

— Ахъ! воскликнулъ Эрихъ, быть можетъ дикій звѣрь растерзалъ моего мальчика.

Инка отрицательно покачалъ головой, и когда Шварцъ передалъ ему опасенія Эриха, то снова пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ виднѣлся отпечатокъ ноги взрослого индѣйца. Тутъ онъ увидалъ нѣсколько капель запекшейся крови и воскликнувъ хау! обошелъ кругомъ кустарникъ, вытащилъ изъ него убитую гремучую змѣю, съ торжествомъ приподнялъ ее и сказалъ: теперь я все понимаю!

— И я тоже, добавилъ Эрихъ, заливаясь слезами, змѣя смертельно ужалила моего мальчика.

Хехта и Шварца также встревожило это открытіе; но Инка, замѣтивши на всѣхъ лицахъ смущеніе, поспѣшилъ успокоить ихъ. Онъ вытащилъ изъ кармана рожокъ и, показывая

его, сказалъ: это уничтожаетъ змѣиный ядъ. Отецъ или братъ Инки перевязали ногу бѣлому мальчику.

— Неужели это правда? радостно воскликнулъ Эрихъ.

— Конечно, отвѣчалъ Инка, и быстро повелъ ихъ впередъ. Черезъ четверть часа онъ остановился и сталъ прислушиваться. Изъ глубины лѣса раздавался вой волка. Переселенцы взяли за ружья. Инка приложилъ руку ко рту и тихо вскрикнулъ. Въ отвѣтъ на это изъ лѣса послышался жалобный крикъ рябчика; Инка еще быстрее пошелъ впередъ, слѣдовавшіе за нимъ не понимали причины его поспѣшности, какъ увидали шедшаго имъ на встрѣчу пожилаго индѣйца. Его темная кожа была окрашена яркими красками и походила на пеструю спину крокодила. Глаза обведены были большими бѣлыми кругами, а на груди изображена была большая черепаха. Одежда его была такая же, какъ и на Инкѣ, и такъ же какъ Инка онъ былъ вооруженъ — ружьемъ, палицей и охотничьимъ ножомъ; на головѣ у него находился такой же уборъ.

— Отецъ Инки! сказалъ молодой индѣецъ Шварцу, потомъ подошелъ къ индѣйцу, остановился, и съ большимъ почтеніемъ отвѣчалъ на его вопросы.

Эрихъ съ радостію замѣтилъ за спиной подходившаго индѣйца своего пропавшаго Альберта; мальчикъ, сидя на спинѣ дикаря, держался руками за его темную шею, а голова Альберта лежала на его плечѣ. Услыхавъ радостный крикъ отца, мальчикъ осторожно спрыгнулъ на землю, хромая подошелъ къ Эриху и бросился ему на шею.

— Это ты! воскликнулъ онъ.

— Боже мой, какъ мы беспокоились о тебѣ, отвѣчалъ Эрихъ съ слезами радости, сжимая его въ объятіяхъ, какъ мать обрадуется! правда ли, что тебя укусила гремучая змѣя? но ты не умрешь отъ этого?

— Ахъ! отвѣчалъ Альбертъ, прости мнѣ мою глупую шалость. Я потерялъ свои сапоги, но мнѣ ихъ и не надобно, я буду ходить босикомъ, пока не заслужу новыхъ. Какъ мнѣ

страшно было, когда я заблудился. Я бѣгалъ по лѣсу пока не наступилъ на змѣю, она ужалила меня въ ногу. Я замеръ отъ страха и не могъ тронуться съ мѣста, несмотря на то, что змѣя хотѣла броситься на меня. Только что она хотѣла уку-
сать меня снова, какъ появился этотъ дикарь и сразу убилъ ее. Я упалъ безъ чувствъ. Когда я пришелъ въ себя, то уви-
далъ, что дикарь стоитъ передо мною на колѣняхъ и пере-
вязываетъ мнѣ ногу. Смеркалось, дикарь повелъ меня въ пе-
щеру, уложилъ въ постель изъ моха и далъ мнѣ кусокъ май-
соваго хлѣба. Нога у меня болѣла и сильно распухла, утромъ
я не могъ ходить, дикарь посадилъ меня къ себѣ на спину
и сталъ дѣлать разные знаки руками и на песокъ, вѣроятно
хотѣлъ этимъ приманить меня къ себѣ и съѣсть. Я думаю
это потому, что не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ,
какъ онъ завылъ голоднымъ волкомъ, потомъ остановился и
сталъ прислушиваться. Я дрожалъ, какъ осиновый листъ.
Еслибы не моя нога и онъ не такъ крѣпко держалъ меня,
то спрыгнулъ бы на землю и убѣжалъ. Отъ радости онъ за-
кудахталъ курицей и сердился, что не можетъ проглотить
меня. Полюбуйся-ка, каковъ у него видъ!

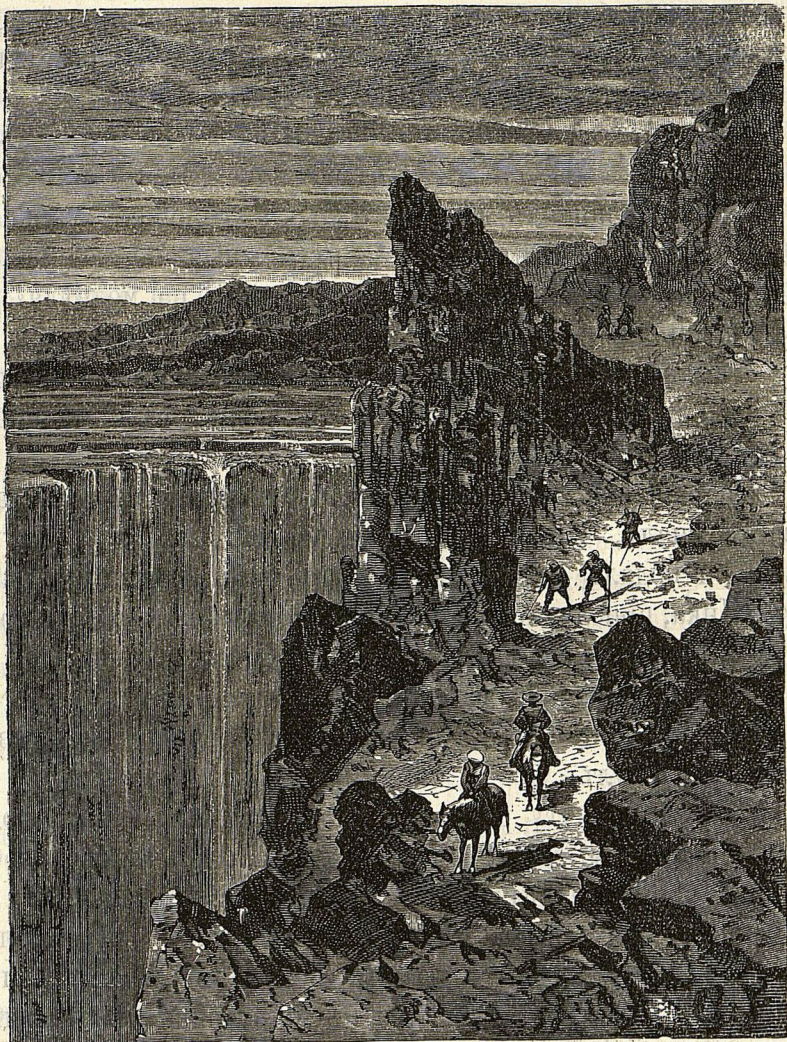
Эрихъ разсмѣялся и сказалъ:—онъ твой спаситель, а не
людоѣдъ. Вой и кудахтанье—условные знаки между имъ и
его сыномъ. Подай дикарю руку, а Шварцъ передастъ ему
нашу благодарность.

Индѣецъ удивился, — онъ не придавалъ никакой цѣны
своей услугѣ. Эрихъ пригласилъ обоихъ индѣйцевъ въ свое
жилище.

Жена Эриха встрѣтила ихъ съ слезами радости и благо-
дарности.

Послѣ хорошаго обѣда, на которомъ была подана изжа-
ренная лань, Хехтъ принесъ свою скрипку и игрой своей
привелъ индѣйцевъ въ изумленіе и восторгъ, они дали ему
название „Поющая рука“ и за игру на скрипкѣ готовы были
сдѣлать все, чтобы отъ нихъ не потребовали. Это подало Хехту
мысль предложить индѣйцамъ помочь имъ вспахать землю и

выстроить домъ, а онъ за это будетъ каждый день играть имъ на скрипкѣ. Эрихъ нашель эту мысль полезною и че-

ВОДОПАДЪ НА ЮГЪ АМЕРИКИ.

резъ Шварца сдѣлалъ объ этомъ предложеніе отцу и сыну. Они тотчасъ же согласились и немедленно принялись за дѣло.

IX.

Медвѣдь.

На другой день, едва только все принялись за постройку дома, какъ изъ ближайшаго лѣсу послышался страшный ревъ. Бѣлые переглянулись и схватились за ружья. Инка продолжалъ спокойно работать, отецъ его исчезъ.

— Что это за ревъ? спросилъ Шварцъ, и куда дѣлся твой отецъ.

— Мiанто пошелъ добыть бѣлымъ хорошее жаркое и теплое одѣяло на зиму. Онъ открылъ логовище медвѣдя.

— Какъ! воскликнулъ Шварцъ, одинъ на медвѣдя? что ты нейдешь къ нему на помощь.

— Мiанто—мушина, отвѣтилъ Инка, глазъ его остръ и рука сильна. Инка не смѣетъ за нимъ слѣдовать, еслибы и хотѣлъ взглянуть на медвѣдя.

Сказавши это, онъ замолчалъ и продолжалъ работать. Шварцъ зналъ, что индѣйцы не любятъ терять словъ напрасно, и подаль знакъ Эриху идти туда, откуда слышался ревъ. Инка, прислушиваясь къ реву, сказалъ твердымъ голосомъ:—Мiанто позоветъ, когда понадобится помощь.

Прiатели дивились дѣтской покорности Инки.

Ревъ, продолжавшiйся нѣсколько времени безпрерывно, вдругъ умолкнулъ.

Въ ту же минуту раздался пронзительный крикъ совы. Инка, быстрѣе мысли, бросилъ пилу, схватилъ ружье, побѣжалъ въ чащу и скрылся. По его слѣдамъ бросились и переселенцы. Крикъ совы умолкнулъ. Все какъ бы замерло.

— Станные люди индѣйцы, подумалъ Хехтъ, молчаливы, какъ рыбы, будутъ умирать—не вскрикнуть. Попадись мы въ бѣду, такой поднимемъ крикъ, что прочь бѣги.

Вдругъ въ воздухѣ раздался ревъ страшнѣе прежняго.

— А! воскликнулъ Хехтъ, погоди, товарищъ, мы съ тобой справимся. Они увидали обоихъ индѣйцевъ въ страшной схваткѣ съ разъяреннымъ медвѣдемъ.

Міанто лежалъ на землѣ, медвѣдь зубами и лапами отбивался отъ сильныхъ ударовъ Инки, который стоялъ на спинѣ модвѣдя на колѣняхъ, и билъ его по головѣ палицей. Друзья, опасаясь стрѣлять въ медвѣдя, чтобы не попасть въ человѣка, стали колотить его прикладами ружей. Звѣрь не выдержалъ такого нападенія, вскочилъ на заднія лапы такъ неожиданно, что Инка далеко отлетѣлъ отъ него въ сторону, и съ разинутой пастью, поднявши лапы бросился на бѣлыхъ друзей. Въ воздухѣ просвистали три пули, одна пролетѣла надъ головою Міанто, другая ударилась въ близъ стоящее дерево, третья попала въ медвѣдя. Больше зарядовъ у нихъ не было. Положеніе ихъ сдѣлалось опаснымъ. Въ это мгновеніе мелькнулъ темный предметъ, раздался сильный ударъ и медвѣдь свалился на землю. Міанто разбилъ медвѣдю голову.

Бѣлые шумно выразили свою радость, индѣйцы же не обнаруживали ни малѣйшаго волненія.

Инка старался остановить кровь струившуюся по тѣлу Міанто. Чтобы успокоить сына, Міанто сказалъ презрительнымъ тономъ: „зубы медвѣдя тупы, когти поломаны“. Между тѣмъ какъ всѣ разсматривали убитаго медвѣдя, Міанто съ какого-то кустарника нарвалъ листьевъ, разжевалъ ихъ и приложилъ къ своимъ ранамъ.

— Экое здоровое животное! говорилъ Шварцъ, трогая медвѣдя, въ немъ будетъ фунтовъ до ста вѣса.

— Медвѣжьи окорока недурны, сказалъ Эрхъ.

— Славная шуба, добавилъ Хехтъ.

— Хорошъ медвѣдь, да не нашъ, замѣтилъ Шварцъ. Краснокожіе убили его, онъ имъ и принадлежитъ. Спасибо имъ, что избавили насъ отъ опаснаго сосѣда.

Когда къ нимъ подошелъ Міанто, Хехтъ сказалъ:—добыча славная, что ты съ ней будешь дѣлать? чай, стащишь къ себѣ въ хижину да угостишь краснокожихъ?

Міанто отрицательно покачалъ головой говоря: — если

мои бѣлые братья не пренебрегли ланью молодаго Инки, не ужели откажутся ѣсть дичь Міанто.

— Сохрани Богъ! воскликнулъ Хехтъ, сочтемъ за честь. А шкуру-то себѣ, что ли, оставишь?

Говоря это, онъ любовался шкурою звѣря. Индѣйцы замѣтили это и улыбаясь отвѣтили: „Поющая рука“ приметъ шкуру отъ Міанто. Хижина Міанто полна мѣхами на зиму.

Хехтъ отъ души сжалъ темную руку дикаря, говоря:—вы великодушнѣ насъ, и не такъ глупы, какъ о васъ рассказываютъ. Спасибо тебѣ за шкуру. Не будь я ловкій столяръ, если не сдѣлаю тебѣ поющую руку! Сработаю и подарю тебѣ скрипку, храбрый товарищъ, играй на здоровье. Темное лицо Міанты радостно просіяло.

— Міанто старъ, сказалъ онъ, я буду радъ, если сдѣлаешь поющую руку моему ловкому мальчику.

— Ладно, отвѣтилъ Хехтъ, мнѣ все равно, но предупреждаю васъ, товарищи, разъ, что будетъ у Инки скрипка, то не только мы, но крысы и мыши разбѣгутся. Такъ онъ насолить всѣмъ своей игрой! поэтому, думаю, благоразумнѣе будетъ сдѣлать ему этотъ подарокъ на прощанье.

Такъ и сдѣлали.

Жилище Эриха было достроено еще до наступленія суроваго времени года, и индѣйцы стали приготовляться въ путь. День разлуки былъ печальнымъ днемъ для Эриха и его семейства.

Онъ дарилъ краснокожимъ друзьямъ своимъ все, чѣмъ только думалъ доставить имъ удовольствіе. Индѣйцы большею частью отъ всего отказывались. Міанто принялъ стругъ, пилу и пестикъ. Инка же—пестрый шелковый платокъ, нитку восковыхъ бусъ и ножницы.

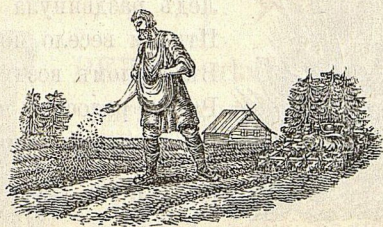
Но ни что не могло сравниться съ тѣмъ наслажденіемъ, которое доставила Инкѣ новая скрипка, окрашенная въ желтую краску, смычекъ и кусокъ канифоли. Индѣйцы были въ восторгѣ, и какъ только скрылись изъ глазъ переселенцевъ въ лѣсную чащу, какъ въ то же мгновеніе раздались

пронзительные звуки. Поюшая рука индѣйца такъ живо и радостно играла на скрипкѣ, что Хехтъ, несмотря на свою тоску, расхохотался.

— Пока ты будешь играть, храбрый Инка, воскликнулъ онъ, навѣрное волки, медвѣди и ящеры будутъ находиться отъ тебя въ почтительномъ отдаленіи. Музыка твоя хуже свинцовыхъ пуль подѣйствуетъ на нихъ. Господа краснокожіе!

— Честь имѣю поздравить васъ съ новымъ капельмейстеромъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №).

ВЕСНА.

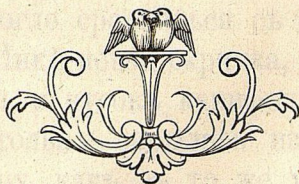
(Изъ Гофмана).

ВѢЖЕЙ жизнью всюду вѣть,
Вновь вернулась весна;
Лѣсъ и поле зеленѣютъ,
Ледъ раздвинула волна.
Птички весело порхаютъ
Въ тепломъ воздухѣ весны;
Рыбки радостно играютъ
Въ хрусталѣ рѣчной волны.

Но и мы не остаемся
Въ душевной комнатѣ весной;
Къ небу ясному несемся,
Мы восторженной душой.
Всѣхъ сердца повеселѣли,
Богу радость вознесли
Всѣ печали усмирѣли,
Всѣ заботы уплыли.

Г. Ѳ. Реалеръ.

ВЪ МИРѢ ИСКУССТВЪ.

(Скульптура или ваяніе).

I.

РЕЖДЕ чѣмъ заняться исторіей развитія скульптуры, поговоримъ о томъ, что собственно означаетъ слово скульптура; слово болѣе у насъ употребительное, чѣмъ ваяніе, хотя ваяніе и есть наше настоящее названіе того искусства, о которомъ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Ваяніе есть изящное искусство, производящее различныя изображенія съ выпуклымъ обозначеніемъ формъ того предмета, который хотятъ изобразить. Произведенія эти бываютъ или круглыя, свободно стоящія, изображающія предметъ со всѣхъ сторонъ, какъ напримѣръ: статуи, бюсты, фигуры цѣльныхъ животныхъ; или полукруглыя, т. е. съ одной стороны плоскія, а съ другой выпуклыя, какъ бываютъ барельефы (немного выпуклые) и горельефы (сильно выпуклые), изображающіе или одиночныя фигуры или цѣлыя выпуклыя картины.

По различному употребленію матеріала и степени обработки, ваяніе раздѣляется: на лѣпное искусство,—производство изображеній изъ мягкихъ веществъ, какъ: глина, воскъ. Литейное—образование предметовъ изъ металловъ, посредствомъ отливки. Камнесѣченное (которое и есть настоящая скульптура), выдѣлывающее изображенія изъ камней,—преимущественно изъ мрамора, гранита и пр. — посредствомъ обтесыванія, съ помощью рѣзца, долота, молота и другихъ инструментовъ. Золото-слоновое ваяніе, въ которомъ тѣла фигуры выдѣлываются изъ слоновой кости, а всѣ украшенія—изъ золота, что особенно почиталось въ древнія времена въ Греціи. Рѣзное, гдѣ матеріаломъ служитъ дерево; всего чаще, по мягкости, липовое, служащее для различныхъ комнатныхъ украшеній и особенно процвѣтавшее въ средніе вѣка. Медальерное—изображающее предметы въ маломъ видѣ и только полукругло, въ рѣзбѣ на камняхъ, какъ, на примѣръ, камеи, геммы *), собственно медали и пр.

По содержанію ваяніе раздѣляется: на міеологическое,—изображающее языческія божества и подчиненныя имъ существа полубоговъ или героевъ; или событія изъ этого міеологическаго, то есть вымышленнаго міра. Христіанское — событія изъ священной исторіи и фигуры Христа, Божіей Матери, Апостоловъ и святыхъ. Историческое—статуи, бюсты разныхъ историческихъ дѣятелей; надгробные памятники и пр. Животное—изображенія охотъ и разныхъ животныхъ.

II.

Въ нашей первой статьѣ объ архитектурѣ, мы сказали, что въ древности, первыя постройки проявились въ памятникахъ и затѣмъ, храмахъ. Такъ точно и первыя признаки ваянія проявились или въ украшеніяхъ этихъ памят-

*) Объ нихъ мы скажемъ позже, когда будемъ говорить о медальерномъ искусствѣ.

никовъ, или въ фигурахъ назначенныхъ для поклоненія, т. е. идолахъ.

Первые слѣды ваянія встрѣчаются въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и на островахъ Великаго океана въ огромныхъ камняхъ, отесанныхъ на подобіе неуклюжихъ фигуръ въ родѣ, такъ называемыхъ, каменныхъ бабъ. Вышина такихъ фигуръ бывала отъ трехъ до четырнадцати футовъ высоты. Части тѣла высѣчены въ нихъ самымъ грубымъ образомъ; а голова занимаетъ треть или даже половину пѣлаго идола.

Тоже самое встрѣчаемъ и въ ваятельныхъ работахъ, украшавшихъ памятники, производившихся или изъ камня, или изъ глины, которая затѣмъ обжигалась; иногда же и изъ металловъ. Украшенія такіа дѣлались и въ видѣ статуй и въ видѣ барельефовъ, во всѣхъ фигурахъ форма тѣла еще очень тяжела, широка, укорочена, а голова отличается чрезвычайной величиной.

Какъ во всемъ, такъ и въ ваяніи, особенное искусство показали древній Египетъ. Произведенія его поражали громадностью, строгой важностью стили, но еще лишены красоты. Какъ громадно число сохранившихся египетскихъ изваяній видно изъ того, что, по нѣкоторымъ вычисленіямъ, для ихъ производства было необходимо не менѣе ста тысячъ скульпторовъ. Матерьялами служили порфиръ, гранитъ, базальтъ, мраморъ, змѣвикъ, алебастръ, глина, дерево и т. д. Содержанія для выпуклыхъ картинъ, которыми украшались стѣны памятниковъ, брались изъ частной жизни, обозначая характеръ и привычки усопшаго. Тутъ были сцены, изображавшія жертвоприношенія, охоты, разныя увеселенія и пр. Всего удачнѣе выходили фигуры животныхъ; человѣческія же фигуры страдали большими неправильностями, головы и ноги видны въ профиль, а грудь въ фасъ.

Переходя къ другимъ странамъ, встрѣчаемъ въ Новомъ Вавилонѣ проявленіе ваянія въ идолахъ, иногда колоссальныхъ размѣровъ, часто обложенныхъ золотомъ. Тамъ же

во множествѣ сохранились мелкія скульптурныя работы, какъ напримѣръ, рѣзные дорогіе камни, служившіе печатями или амулетами *). Вавилоняне любили вообще роскошь. Древніе писатели восхищаются ихъ коврами, съ затканными фантастическими узорами.

Золотые идолы встрѣчались и у евреевъ, во времена царя Давида. Припомнимъ тоже фигуру золотого тельца, которому поклонялись евреи во время нахождения Моисея на Синайской горѣ. Особенной художественностью отличались ваятельныя произведенія финикіянъ, они всего болѣе изощрились въ выдѣлкѣ работъ изъ стекла.

Но ни у кого не проявилось столько фантазіи въ этихъ работахъ, какъ у индѣйцевъ, особенно послѣдователей ученія Брамъ. Стѣны ихъ пирамидальныхъ памятниковъ были полны горельефными фигурами; содержанія для такихъ картинъ брались изъ фантастическаго міра жизни боговъ и сказочныхъ героев. Тутъ поэтическая фантазія народа часто доходила до чудовищныхъ представленій. Иногда встрѣчались отдѣльныя изваянія изъ самородной скалы. Человѣческія фигуры большею частію представлялись нагими, съ богатыми головными уборами, ожерельями, браслетами, которые украшали въ нѣсколько рядовъ не только что руки, но и ноги. Такъ какъ индѣйцы не дошли до искусства придавать лицамъ своихъ фигуръ выраженіе, которое имъ было присуще, то они старались замѣнить этотъ недостатокъ, часто придавая фигурамъ головы разныхъ животныхъ, характеръ которыхъ подходилъ бы къ тому человѣку-герою, котораго изображали. Встрѣчаются человѣческія фигуры съ головами птицъ, слоновъ, буйволловъ и пр. Встрѣчаются иногда фигуры съ нѣсколькими головами; какъ напримѣръ, колоссальный трехъ-головый бюстъ, представляющій индѣйское триединство высшихъ боговъ—Браму, Вишну и Сиву, соединенныхъ подъ именемъ Тримурти. Головной уборъ этого бюста замѣчателенъ по богатству и тонкости украшеній.

*) Знаки, предохраняющіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ народовъ, отъ дурнаго глаза.

Магометанское искусство совершенно лишено ваятельныхъ изображеній, законъ Магомета строго запрещалъ все, что походило бы на идоловъ и такія изображенія почиталъ грѣхомъ.

III.

Переходя къ греческому ваянію, вспомнимъ, что въ архитектурѣ Греціи или древняя Эллада стояла на высшей ступени совершенства, тоже представляетъ и ваяніе.

Первые признаки ихъ ваянія проявились въ металлическихъ работахъ, употреблявшихся для обдѣлки домашней утвари. Боги, которымъ поклонялись первые греки, не производились въ образахъ идоловъ, какъ у другихъ народовъ, и у нихъ въ болѣе позднія времена, а просто въ видѣ грубыхъ деревянныхъ обрубковъ или едва отесанныхъ камней. Металлическія работы украшали, кромѣ домашней утвари, воинскія оружія, особенно щиты, съ выпуклыми изображеніями.

Развиваясь въ архитектурномъ отношеніи, греки стали заботиться и объ украшеніи своихъ храмовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ прежніе грубые болваны замѣнились кумирами, сдѣланными изъ дорогаго дерева, слоновой кости, золота. Препжняя обожженная глина замѣнилась литою бронзой, особенно для работъ помѣщавшихся на открытомъ воздухѣ. Иногда стали употреблять и мраморъ.

Ваяніе съ особеннымъ тщаніемъ было примѣнено къ изображенію боговъ съ человѣческимъ образомъ, а также разныхъ сказаній изъ жизни героевъ. При этомъ греки не придерживались, какъ египтяне сценъ, взятыхъ, только изъ дѣйствительной жизни, оо давали просторъ своей фантазіи, которая иногда имѣла сходство даже съ фантазіей Востока, доходившаго до изображенія чудовищныхъ образовъ.

Первыми мастерами древней Греціи были Рѣкъ и Тео-доръ Самосцы, которымъ приписываютъ изобрѣтеніе литейнаго искусства, и Главкъ Хіосиръ, открывшій будто бы спо-

собъ паять желѣзо. Затѣмъ въ срединѣ шестаго вѣка до Р. Х., являются два мастера, работавшіе постоянно вмѣстѣ: Динекъ и Скиллидъ критяне, которые положили начало настоящей художественной дѣятельности и даже образовали въ Аргосѣ и Сикіонѣ значительную школу художниковъ. Въ числѣ ихъ учениковъ особенно отличались спартанцы. Предметами ихъ работъ были уже не одни отдѣльные кумиры, но иногда и группы статуй изъ мифологическаго міра, которыя изготовлялись въ видѣ приношеній святымъ мѣстамъ, напримѣръ, въ Олимпію. Всего чаще такія работы производились изъ кедроваго или чернаго дерева, съ украшеніями изъ золота и слоновой кости.

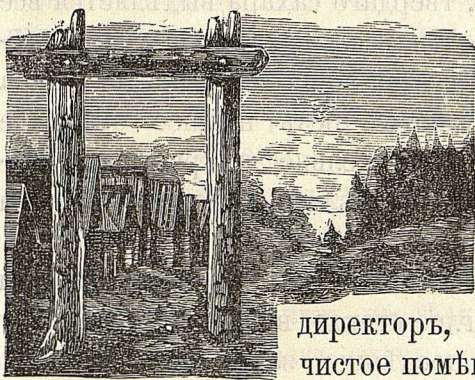
Въ концѣ шестаго вѣка въ этой школѣ особенно славился Капахъ, сдѣлавшій статую Венеры изъ золота и слоновой кости. Въ это же время ваяніе стало процвѣтать и въ Аѣинахъ, гдѣ первымъ художникомъ былъ Эндѣосъ, работавшій изъ дерева, слоновой кости и мрамора. Во всѣхъ этихъ даже первыхъ произведеніяхъ грековъ уже проявлялась та грація и гармонія, которыхъ мы не встрѣчаемъ у египтянъ и которой суждено было позднѣе развиться такъ высоко-художественно.

Изъ болѣе сохранившихся работъ того времени можно назвать двѣ статуи Аполлона, отчасти только поврежденные; одна, найденная на островѣ Церфъ, находится теперь въ аѣинскомъ музеѣ Тезеева храма; другая, привезенная изъ Коринѣа, стоитъ въ музеѣ (глиптотекѣ) въ Мюнхенѣ.

С. Лаврентьева.

(Продолженіе будетъ).

НА СВЕКЛО-САХАРНОМЪ ЗАВОДѢ.

ОПРИВЫКНУВЪ къ жарѣ и духотѣ, какая была во всѣхъ помѣщеніяхъ завода, мы бодро пошли за директоромъ.

— Вотъ здѣсь, началъ директоръ, когда мы вошли въ большое, чистое помѣщеніе, гдѣ было еще жарче, изъ сиропа получается твердый сахаръ.

По одной сторонѣ этого помѣщенія стояло три цилиндрическихъ котла, а по другую два мѣдныхъ котла, шарообразной формы, блестящихъ, какъ вычищенный самоваръ.

— Вотъ эти котлы, сказалъ директоръ, указывая на три первыхъ котла, служатъ для выпариванія сока, прошедшаго въ первый разъ чрезъ уголь, и для увариванія сиропа до большей густоты. Для того, чтобы выдѣлить изъ сиропа твердый сахаръ, надо его сильно сгустить, тогда сахаръ начнетъ кристаллизовываться (выдѣляться въ твердомъ видѣ) самъ собою. Для этой цѣли служатъ эти два мѣдные котла, называемые вакуумы.

Мы подошли къ одному мѣдному котлу и начали его разсматривать.

Котель стоялъ на чугунныхъ подставкахъ, на его поверхности виднѣлось много крантиковъ, трубочекъ и круглыхъ, толстыхъ стеколъ, сквозь которыя видно было, какъ внутри котла кипѣлъ ключемъ сиропъ. Внизу котла было отверстіе для выпуска образовавшагося сахара. На верху мѣдный колпакъ съ трубой, для отвода водяныхъ паровъ, образующихся при кипѣніи сиропа.

Наполнивъ половину котла сиропомъ, пускаютъ по спиральной трубѣ, лежащей внутри котла, паръ. Сиропъ сильно кипитъ и становится все гуще и гуще. Къ нему понемногу прибавляютъ свѣжаго сиропа и продолжаютъ варить; по мѣрѣ того какъ сиропъ дѣлается гуще, твердаго сахара выдѣляется все больше и больше. Когда почти весь сахаръ выкристаллизуется, въ котлѣ, образуется густая каша тогда притокъ пара прекращаютъ и кашу выпускаютъ чрезъ нижнее отверстіе въ особенные ящики, гдѣ окончательно выкристаллизовывается тотъ сахаръ, который не успѣлъ выкристаллизоваться въ котлѣ.

Около каждого котла стоялъ особенный рабочій, который постоянно смотрѣлъ въ круглое стекло, вдѣланное въ стѣнку котла, и то открывалъ, то поспѣшно закрывалъ какой-то кранъ.

— Для чего онъ постоянно то закрываетъ, то открываетъ кранъ? спросилъ кто-то изъ насъ директора.

— Это онъ прибавляетъ понемногу свѣжаго сиропа и смотритъ какъ образуются кристаллы, отвѣтилъ директоръ и, помолчавъ немного, продолжалъ, густая масса, которая выйдетъ изъ котла, называется утфелемъ; онъ состоитъ изъ кристалловъ сахара и темно-бурой густой жидкости, называемой патокой. Утфель помѣщаютъ въ особые ящики, гдѣ онъ затвердѣваетъ въ твердую массу, которую на другой день выламываютъ ломомъ. Этотъ твердый, но еще желтый сахаръ остается пробѣлить. Пробѣлка дѣлается на особен-

ныхъ машинахъ. Пойдемте ихъ посмотримъ, добавилъ директоръ и повелъ насъ по винтовой лѣстницѣ въ нижній этажъ.

Пройдя мимо двухъ большихъ паровыхъ машинъ, которыя давали жизнь всему заводу, мы вошли въ длинное помѣщеніе; тамъ стояло въ рядъ нѣсколько вращающихся барабановъ, а отъ нихъ шло безчисленное количество двигающихся ремней, которые приводили въ движеніе множество колесъ.

— Это центробѣжная машина, началъ директоръ, подводя насъ къ одному вертящемуся барабану, она состоитъ изъ сѣтчатого барабана, сидящаго на желѣзной, вращающейся оси. Выломанный изъ ящиковъ сахаръ разбиваютъ и превращаютъ въ густую кашу, прибавляя къ нему жидкаго сахарнаго сиропа,—эту кашу кладутъ въ барабанъ, который приводятъ посредствомъ цѣлой системы зубчатыхъ колесъ въ сильное вращательное движеніе. Тогда, вслѣдствіи центробѣжной силы, твердый сахаръ облѣпигъ сѣтку барабана съ внутренней стороны и остается на ней, а патока, какъ жидкость, пройдетъ чрезъ сѣтку. Чтобы пробѣлить сахаръ окончательно, его обливаютъ на сѣткѣ два густымъ сиропомъ и пропариваютъ немного паромъ; сиропъ и паръ, выходя изъ барабана, увлекаютъ послѣдніе слѣды патоки и на сѣткѣ остается бѣлый какъ снѣгъ—сахаръ.

При насъ рабочій положилъ въ барабанъ желтаго сахару, пустилъ входъ машину; барабанъ быстро завертѣлся и минутъ черезъ 7, на стѣнкахъ его лежалъ сахаръ съ легка желтоватой, а послѣ сиропа и пара, сахаръ сдѣлался совершенно бѣлымъ и такъ плотно присталъ къ сѣткѣ, что рабочій съ трудомъ скололъ его деревянной лопаточкой. Полученный сырой сахаръ высыпали въ мѣшки и унесли сушить.

— Это послѣдняя обработка, началъ директоръ, послѣ нея сахаръ получаетъ названіе сахарнаго песка, и его просушиваютъ, ссыпаютъ въ бочки и отправляютъ покупателямъ; помолчавъ немного, онъ продолжалъ, темная па-

тока уваривается снова въ вакуумахъ, сливается въ ящики, и изъ нея черезъ недѣлю опять выкристаллизовывается сахаръ, но этотъ сахаръ нельзя пробѣлить такъ чисто, какъ первый, а потому онъ называется вторымъ или желтымъ сахаромъ. Оставшаяся отъ него патока снова уваривается; изъ нея чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ выкристаллизовывается еще сахаръ, но очень грязный.

Оставшаяся же уже послѣдняя черная патока идетъ на винокуренные заводы, для приготовленія спирта.

Теперь, когда вы знаете откуда и какъ получается сахаръ, остается попробовать его вкусъ, а потому, мы возьмемъ съ собою только-что полученный сахаръ и пойдемъ напьемся съ нимъ чаю. Вы вѣроятно утомились и проголодались, и закусите съ удовольствіемъ, а за чаемъ я вамъ еще кое-что расскажу, заключилъ директоръ и приказалъ рабочему отнести къ себѣ свѣжаго сахару.

Поблагодаривъ директора, мы съ радостью приняли его предложеніе.

Пройдя снова мимо двухъ большихъ машинъ, которыя могущественно махали своими коромыслами, мы вышли, чрезъ главный подъѣздъ завода, на свѣжій, чистый воздухъ.

Грудь легко и радостно дышала прохладнымъ воздухомъ, невольно думалось, какъ бѣдные рабочіе, 12 часовъ работая въ сутки, остаются въ такой жарѣ и дышать страшно душнымъ воздухомъ.

Перейдя весь дворъ, мы пришли въ квартиру директора. Въ большой комнатѣ насъ ждалъ шипящій самоваръ и большой столъ, заставленный закусками, пріятно посматривали мы на закуску и бѣлый сахарный песокъ, лежавшій на тарелкахъ.

Когда всѣ сѣли вокругъ стола и начали утолять сильный голодъ и жажду, то директоръ, угощая насъ, сказалъ:

— Сахарный песокъ, который мы получаемъ на заводѣ, состоитъ изъ отдѣльныхъ маленькихъ кристалловъ. Но тотъ твердый, крѣпкій сахаръ, который вы привыкли каждый день

пить съ чаемъ, у насъ не готовится. Онъ готовится отдельными заводами изъ нашего сахарнаго песка. Разницы между твердымъ сахаромъ, называемымъ рафинадомъ и сахарнымъ пескомъ, нѣтъ никакой за исключеніемъ того, что послѣдній пробуются въ большихъ твердыхъ кускахъ. Рафинадные заводы покупаютъ у насъ песокъ, растворяютъ его въ водѣ, очищаютъ отъ сора, фильтруютъ чрезъ костяной уголь два раза. Въ вакуумахъ увариваютъ сиропъ до большей густоты, чѣмъ мы, и разливаютъ въ желѣзныя формы, вида сахарной головы. Въ этихъ формахъ сахаръ окончательно затвердѣваетъ въ цѣльную голову, а жидкая темная патока стекаетъ чрезъ узенькое нижнее отверстіе. Сверху голову два раза четыре заливаютъ крѣпкимъ сахарнымъ сиропомъ. Сиропъ, стекая, увлекаетъ патоку и голова сахара становится совершенно бѣла. Сахарную голову вынимаютъ изъ формы, сушатъ въ паровой сушилкѣ, очищаютъ и, завернувъ въ синюю сахарную бумагу, пускаютъ въ продажу.

У насъ сахаръ получается только изъ свекловицы; въ нѣкоторыхъ же странахъ, кромѣ сахарнаго тростника есть и другія растенія, какъ-то: сахарный кленъ, сорго, пальмы, изъ сока которыхъ получаютъ сахаръ.

Вотъ все, что я вамъ могъ сказать о полученіи такого распространеннаго, такого необходимаго продукта въ жизни человѣка, какъ сахаръ. Я надѣюсь, что, осмотрѣвъ нашъ заводъ, вы пріобрѣли много новыхъ полезныхъ свѣдѣній.

Утоливъ жажду чаемъ со свѣжимъ сахарнымъ пескомъ, мы еще разъ поблагодарили добраго директора за его пріемъ и, выйдя на крыльцо, возлѣ котораго стояла наша линейка, сѣли въ нее и весело поѣхали домой, вполнѣ сознавая, что день провели съ пользой.

Н. Кувшинниковъ.

ПРОДАВЩИЦА ФРУКТОВЪ ВЪ ЮЖНОЙ АМЕРИКѢ.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 мая 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11--2.

При семь № прилагается карта С. Америки.